
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Е. С. БОНДАРЕНКО

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ НЕОЛИТА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Единое информационное поле, следы существования которого в Восточном Средиземноморье за несколько тысяч лет до возникновения первых цивилизаций Египта и Месопотамии прослеживаются по археологическим данным, может быть исследовано, а главное, понято лишь в том случае, если начать от частного к общему. Важно представлять, что процессы, охватывавшие огромную территорию от современной Восточной Турции до Синайского полуострова, происходили как на уровне единого информационного пространства, так и внутри отдельных относительно замкнутых сообществ. В связи с этим исследование сложной системы подобного рода необходимо начать с выявления механизмов возникновения, фиксации и циркуляции информации на различных уровнях.

Около 10 тысяч лет назад наступает конец Раннего Дриаса и начинается эпоха голоцена. В Леванте эти изменения совпадают с началом неолита, периода важнейших изменений. С 7000 по 4000 г. до н. э. климат в Леванте остается довольно влажным, о чем свидетельствует процесс распространения древних озер вплоть до Южной Аравии. Для обществ этого времени характерен смешанный комплексный характер экономики, основанный на поддержании равновесия между различными видами присваивающей и производящей деятельности, что характерно для маргинальных областей.

Термины «докерамический» и «керамический неолит» изначально были установлены Кетлин Кеньон, британской исследовательницей поселения Иерихон (Kenyon 1960: 63–65). В течение

многих лет именно эта периодизация продолжает использоваться как наиболее приемлемая, несмотря на постоянно появляющиеся сведения о локальных особенностях. В эпохе неолита выделяются следующие периоды: докерамический А – 7800–7600, В – 7600–6000, С – 6000–5500 гг. до н. э.; керамический неолит (в зависимости от археологической культуры) – 5500–4000 гг. до н. э. По мнению французского археолога Жана Перро, в развитии обществ Леванта в середине VII тыс. до н. э. вследствие неблагоприятных природно-климатических изменений происходит хронологический разрыв и «коллапс» культур докерамического неолита В, так называемый «палестинский хиатус» (Perrot 1993: 9). Остановимся на этом подробнее.

В настоящее время очевидно, что культуры докерамического неолита А имеют местное происхождение (Bar-Yosef, Gopher 1997). Хотя возможно распространение некоторых традиций с севера на юг, на что указывает разница в 200–300 лет между поселениями Мурейбет и Иерихон. Первые долговременные поселения появляются в долине Среднего Евфрата. На территории Южного Леванта на протяжении многих лет было известно только два больших поселения докерамического неолита А – Иерихон и Нахал Орэн, что позволяло делать выводы об уникальности Иерихона А. Сейчас раскопаны Нетив Хагдуд (Bar-Yosef, Gopher 1997) и другие поселения в долине Иордана. Иерихон среди них занимает теперь место наиболее крупного. Вероятно, столь значительное объединение людей не могло существовать в изоляции, и другие поселения докерамического периода А погребены либо под слоем аллювия, либо под основаниями более поздних деревень.

В районе Дамаска на поселениях Асвад, Горайфе, Рамад также четко прослеживается культурная преемственность от периода докерамического неолита А к докерамическому неолиту В. В этот период известно дальнейшее распространение поселений в степную зону. Отличительными признаками того времени является колонизация, протодоместикация животных (коз и/или овец) и появление «белой посуды», сделанной из известковой массы, практически на всех поселениях.

По представлениям французских исследователей, центром неолита В, очагом его возникновения могла быть область Тавра и

Среднего Евфрата, например Джафер Хююк и Чайёню – древнейшие (VIII тыс. до н. э.) неолитические поселения на территории Турции, а путь, по которому неолит распространяется на север, проходил по долине Евфрата (Cauvin, Aurenche 1981: 184). Связи, сложившиеся вследствие обмена, одновременно могли быть каналами проникновения одомашненных злаков в Загрос и распространения одомашненных животных из этой области в Левант через область Дамаска и долину реки Иордан. Однако не всегда следует искать истоки возникновения и распространения технологий и идей на Сирийской равнине или на Среднем Евфрате. Керамическое производство не имеет единого центра распространения, так как на поселениях, где в период керамического неолита появляется керамика, в предшествовавший период прослеживается тенденция создания изделий из известковой массы и необожженной глины. Главным в это время остается существование различных типов поселений, принадлежащих одному периоду, свидетельствующее о многообразии локальных культур. Еще до начала культивации появляется специализация видов деятельности, которая в дальнейшем происходит уже в границах отдельных областей, а не распространяется посредством миграций.

Докерамический неолит С определен для нескольких районов Леванта, из которых наиболее известным является Айн Газаль (Rollefson 1993). Многие поселения Леванта в этот период были покинуты. Возможно, это произошло вследствие дальнейшего распространения степей – более открытых во всех отношениях экологических систем, ресурсы которых могут быстрее истощаться.

Этот факт может свидетельствовать о существовании определенного hiatus, но не на уровне всего региона, а разрыва в процессе развития сообществ, воспринявших новый образ жизни вследствие внешних воздействий, а не перешедших к нему постепенно в ходе внутренних изменений (Nissen 1993: 182). В результате, в начале 90-х годов было окончательно опровергнуто предположение о «пробеле» в дописьменной истории Леванта, и стало возможным подвергнуть сомнению точку зрения на возникновение культур керамического неолита как на их распространение извне в процессе миграций.

Некоторые данные указывают на снижение численности населения в Леванте в VI тыс. до н. э. С другой стороны, в некоторых районах происходит сосредоточение населения на крупных поселениях, получивших название «протогорода» или «мегасайты» (южно-иорданский Айн Газаль, северо-сирийский Саби Абьяд). Сезонные стоянки охотников-собирателей, а позднее и пастухов появляются в степных областях ирано-туранской зоны (Синай, Негев, Восточная Иордания и Северная Сирия) и в средиземноморской зоне (в прибрежных районах Израиля). Долговременные деревни оседлых общин характерны для маргинальных областей – мест пересечения нескольких природно-климатических зон, где обитало наибольшее количество видов флоры и фауны. Охота и интенсивное собирательство в таких областях позволяли поддерживать необходимый уровень существования больших групп людей при переходе к оседлому образу жизни до начала преобладания в их хозяйстве производящих видов деятельности (земледелия и, в дальнейшем, скотоводства). Именно в таких зонах появились первые неолитические поселения.

Вопрос о влиянии человеческой деятельности, или антропогенного фактора, на процессы, происходившие в позднем неолите, рассматривается многими исследователями. По мнению Ханса Й. Ниссена, очевидно, что при переходе к керамическому неолиту имело место какое-то сильное внешнее воздействие – одомашненная овца, пастушество, истощение ресурсов вблизи поселений в сочетании с климатическим фактором привели к необходимости перехода к мобильному образу жизни (многие поселения Леванта в этот период покинуты) (Nissen 1993: 181). Отметим комплексность параметров, поскольку незначительные климатические колебания происходили в этом регионе постоянно, однако они не приводили к столь серьезным изменениям в хозяйстве и социальной структуре местных сообществ. Поэтому для периода керамического неолита (так же, как и для всех предыдущих периодов) следует говорить о выборе оптимального типа поселения и оптимального комплекса видов деятельности, исходя из доступных природных ресурсов. В определенных условиях земледелие как вид деятельности и большие общины как тип социальной организации не были наилучши

ми формами существования и в некоторых областях не получили широкого распространения.

От фактов перейдем к их интерпретации и рассмотрим неолитические сообщества Ближнего Востока, представив их в виде информационных систем. В привычном понимании многоуровневая система, в частности социальная, предполагает наличие как вертикальных, так и горизонтальных связей. На смену доминировавшей до 60-х годов XX века идее однолинейности развития (от бродячей группы через вождество к государству) пришла идея многолинейности. У вождества, предполагавшего постоянное или временное лидерство, появилась альтернатива в виде самоуправляемой общины, регулировавшей свое поведение при помощи традиций, а не благодаря созданию вертикальной системы управления. Выявление подобного типа общественной организации стало возможно при исследовании некоторых архаических обществ Тибета, а также непосредственно на примере неолитических общин Ближнего Востока, предпринятого Е. И. Березкиным. «Акефальная автономная протогородская община» там занимала то место на эволюционной шкале, которое в Новом Свете принадлежало обычно вождеству (Березкин 1994: 16). Подлинной эволюционной альтернативой петербургский исследователь называет существовавшие до появления государств на Ближнем Востоке и на юге Центральной Азии «среднемасштабные интегрированные общества», в которых не удастся обнаружить никаких свидетельств централизованного управления (Березкин 2000: 262–263). К началу XXI века появляются представления о многомерном пространстве – поле, измерениями которого служат показатели социальной эволюции (Коротаев и др. 2000: 74), или о нелинейном подходе, о непрерывном эволюционном поле, в рамках которого движение в равной степени возможно в любом направлении (Коротаев 2003: 75–76).

Идея эволюционного поля перекликается с идеей поля информационного. Понятия «поле», «среда» или «сеть» в данном случае обозначают состояние, а не процесс. Процесс предполагает ведущими временные и пространственные характеристики. В поле они не столь значимы. Эволюционное поле, в отличие от процесса эволюции, представляет собой нелинейное образование, а не путь развития от простого к сложному с точки зрения вертикальной иерар-

хии. По аналогии информационное поле не является повторением процесса накопления информации, объем которой со временем становится все больше, а средства ее передачи все совершеннее. Мощность информационного поля определяется не степенью интеллектуальной и технической развитости того или иного общества (носителя информации), вовлеченного в некий хронологический процесс эволюции, накопления и реализации знаний, а уровнем концентрации еще не полностью реализованной информации, проявляющейся, однако, через психический опыт, в первую очередь через искусство и религиозность.

Выработка сообществом оптимальных стратегий выживания в конкретных условиях природной, социальной и информационной среды (как внешней, так и внутренней с точки зрения пространственной организации) является результатом вовлеченности отдельного элемента (в данном случае сообщества) в единое информационное поле. Последствия выбора подобных стратегий видимы по следам кардинальных изменений, имевших место в начале неолита на Ближнем Востоке, в частности в Леванте (Восточное Средиземноморье), и получивших у современных исследователей название «периода экспериментов» (Özdoğan 1997: 35). Огромное количество типов неолитических общин Ближнего Востока, прослеживаемое по археологическим данным, указывает на существование некоего общего поля, нематериального образования, поскольку только «сильная» в информационном и энергетическом плане структура способна выразить себя посредством огромного количества экспериментов, при благоприятных условиях приводящих к многообразию форм существования. Пусковым механизмом эволюции являются, по-видимому, процессы не в хозяйственной деятельности, а в ментальности, поскольку изменения, происходящие во всех сферах, начинаются, должно быть, не в экономике (что ярче всего фиксируется по археологическим данным), а в сознании людей (Cauvin 1989: 176; Özdoğan 1997: 36]. Различия, видимые как хозяйственные, экономические, связанные с оседлым или мобильным образом жизни, имеют гораздо более глубокие корни, таящиеся в разных системах ценностей и типах социальной организации, что, на наш взгляд, свидетельствует о разных способах восприятия информа

ции и выражении этого восприятия как в сознании, так и в общественном бессознательном.

Изменения в индивидуальном сознании человека, жившего десять тысяч лет назад, проследить практически невозможно. Индивидуальное захоронение содержит гораздо больше информации о ритуале, нежели об умершем. (В период неолита при погребении главным было, по-видимому, не подчеркивание социального статуса умершего, а выражение его принадлежности к общине и, в первую очередь, к семье [Bar-Yosef 1989: 63]). Изменения в коллективном сознании отдельных сообществ, по-разному реагировавших на природные и социальные процессы, фиксируются в социально значимых объектах – архитектуре, орудиях труда, предметах культа (святилищах, типах захоронений) и, главное, типах поселений, являющихся наиболее универсальным выражением коллективных представлений, символов социального поведения или, проще говоря, традиций.

Помимо визуальных свидетельств фиксации и ограничения личной территории, существуют и более абстрактные представления, также получившие свое материальное воплощение и, следовательно, зафиксированные археологически. На территории поселения, то есть уже на уровне общины, такие маркеры социальных отношений представлены, в первую очередь, открытыми пространствами (площадями) и, позднее, общественными или культовыми (что в то время, вероятно, не имело различий) сооружениями. Подобные строения также часто представляли собой открытые вымощенные пространства с определенными священными атрибутами – стелами, скамьями, жертвенниками и т. д. Таким образом, отношение к территории поселения как к освоенному структурированному и, по-видимому, ритуализованному пространству общины прослеживается по археологическим источникам с начала неолитического периода. Интересно отметить, что, по-видимому, изначально пространства, обладавшие социальными и ритуальными функциями, были открытыми как в прямом, так и в переносном смысле, – открытыми для общения и циркуляции информации. Позднее, при увеличивавшейся замкнутости сообщества в границах его собственного информационного поля, общественные и культовые со

оружения становятся все более закрытыми и тайными, приобретая вид святилища и, позднее, многокомнатного храма.

В неолите формирование представлений о территории общины могло основываться, по мнению некоторых исследователей, на взаимоотношениях соперничавших групп населения, в том числе на проблемах личных и межсемейных конфликтов (Bar-Yosef, Belfer-Cohen 1989: 65). В отличие от базового лагеря, осознававшегося несколькими мобильными группами, скорее всего, в качестве их территориального центра, восприятие долговременного поселения основано на отношении к нему как к социальному центру автономного сообщества и только гораздо позднее – как к политическому центру иерархической системы нескольких поселений.

Отношение к территории может сильно варьировать, особенно если учитывать такое разделение, как своя и чужая земля. Для маркировки территориальных границ могут использоваться различные символы, причем не обязательно материальные (как позднее стелы со священными письменами или военные крепости), а, например, символы социального поведения, такие как ритуальные празднества на границе территорий нескольких общин. Подобные мероприятия (по аналогии с современными ярмарками) могли включать в себя не только обмен товарами и совместные трапезы, но также и различные состязания (танцы, песни, демонстрацию силы, ловкости и т. д.), основу которых составляли определенные ритуальные и, шире, культовые принципы. На значение ритуала при взаимоотношениях различных сообществ указывают святилища, располагавшиеся не на поселениях, а, по-видимому, как раз на границах территорий, освоенных различными племенными или родовыми группами. Примером подобного святилища может служить пещера Нахал Хемар (около 6000 г. до н. э., докерамический неолит В), расположенная в 20 км к западу от южного берега Мертвого моря, у подножия Иудейских гор, переходящих в холмистую местность Северного Негева. Помимо разнообразного инвентаря и незначительного количества захоронений, здесь были обнаружены каменные маски, фрагменты антропоморфных статуй, фигурки человеческих голов и животных, а также шесть моделированных черепов, покрытых асфальтом в виде сетки (Arensburg, Hershkovitz 1989: 115, 123). Святилища периода керамического неолита, располо-

женные также на территории современного Израиля в Бикат Увда, б и святилище в Эйлате (где обнаружено много вторичных захоронений и стоящие в круг каменные стелы, аналогичные более поздним еврейским маззехотам), по-видимому, могут быть идентифицированы подобным образом (Uzi 1991: 496).

Однако приведенные выше примеры относятся к позднему времени. Если же говорить о периоде докерамического неолита А, то на уровне регионального исследования можно заметить, как при переходе к оседлому образу жизни в связи с изменившимися условиями будут изменяться отдельные элементы материальной культуры. Подобная эволюция для докерамического неолита, безусловно, прослеживается лучше всего по типам орудий, а именно по типам наконечников стрел. Исходя из концепции неолитизации, технологические и социальные изменения происходят параллельно. Однако подобные трансформации заметны в основном в материальной культуре. Поэтому предположим, что, *как только возникают существенные различия в типах орудий, появляются и относительно замкнутые сообщества*. Подобные группы становились замкнутыми территориально, социально, возможно, родственно и также, но в меньшей степени, информационно. Контакты между территориально-социальными образованиями, граница которых фиксируется областью распространения тех или иных видов стрел, а позднее типов керамики, и проходили, скорее всего, на пограничных или нейтральных территориях. Таким образом, наряду с архитектурными стилями, распространение тех или иных типов орудий и керамики, то есть скорость генерирования и/или восприятия новых идей и стилей тем или иным сообществом, может косвенно указывать на степень его открытости.

Определяющим фактором в данном случае является не уровень экономического развития сообщества, а уровень его «информированности», а скорее, «информациализации», поскольку первое понятие означает в основном осведомленность, а второе следует понимать как степень восприимчивости или реакцию на входящие и исходящие потоки информации. Определить оба эти параметра (уровень экономического и информационного развития) для неолита можно лишь условно вследствие фрагментарности дошедших до нас артефактов. Однако выявить последний, как нам кажется, все-

таки можно, поскольку здесь индикатором становится *многообразие*. Высокий экономический уровень сообщества не всегда совпадает с высоким информационным потенциалом, поскольку, исчерпав определенные информационные и социальные ресурсы, а также в основном вследствие формирования целостной системы управления, общество стремится к информационной замкнутости для поддержания уже имеющейся стабильности. Высокий информационный потенциал, требующий большого количества операций для обработки информации, энергии на обработку поступающих и исходящих данных, всегда способствует нестабильному состоянию системы. По имеющимся данным и в соответствии с современными способами их интерпретации, сложно однозначно утверждать, что является определяющим – нестабильная социальная система становится более восприимчивой к информационным потокам единого информационного поля или информационные потоки, проникнув в систему, делают ее нестабильной?

В данном контексте можно говорить об информационном и/или организационном континууме, в котором изначальные параметры при невозможности однозначного определения первостепенности одного из них принимаются как данность. Следует напомнить, что поле, или сеть (в своей абстрактной модели), представляет собой систему, в которой равнозначными и определяющими являются все параметры, и именно совокупность параметров заставляет такую систему функционировать. При исключении одного из них, даже самого на первый взгляд незначительного, система переходит на новый качественный уровень, который в реальности, то есть в материальном выражении, может быть более высоким или более низким, но для абстрактного поля это будет всего лишь другой уровень, отличный от предыдущего.

Таким образом, если сообщество тяготеет к разнообразию, то его можно называть информационно открытым или, используя нашу терминологию, с высоким уровнем информатизации. Снова возникает вопрос о том, что является первостепенным. Мобильная в социальном и экономическом плане община постепенно становится все более восприимчивой к новому вследствие своей мобильности, или информационная и, главное, ментальная (интеллектуальная, психическая) мобильность способствует развитию мно

гообразия сфер хозяйственной деятельности? Ответ и в данном случае не будет оригинальным, поскольку, как уже отмечалось выше, первостепенность какого-то параметра не столь важна, как он сам. Однако все же можно делать кое-какие предположения, исходя из того, что общество, находящееся на стадии перехода или в нестабильном социально-экономическом состоянии, оказывается перед выбором дальнейшего пути. В этом случае тип ментальности, характерный для коллективного бессознательного (безусловно, наряду с целым спектром внешних параметров), может явиться определяющим фактором при выборе сообществом оптимального варианта.

Здесь уместно напомнить слова Н. Н. Моисеева о том, что с ростом сложности системы растет и вероятность увеличения возможных путей дальнейшего развития (Моисеев 1990: 71). А поскольку каждое такое состояние социальной системы является бифуркационным, то это приводит к резкому ускорению всех процессов самоорганизации общества (Там же: 73). Однако в кризисной ситуации, пробуя разные варианты самоорганизации, общество осуществляет выбор по принципу минимума диссипации энергии на данный момент времени (Кульпин 1996).

Размеры большинства неструктурированных (нецентрализованных) сообществ небольшие. Помимо природных или, позднее, этнических границ эти размеры определяются необходимостью эффективно поддерживать социальные связи. Известно, что изменения в социальной организации зависят от состояния равновесия между объемом информации, которую необходимо обработать, и доступными способами обработки этой информации (Van der Leeuw 1987: 224). При увеличении числа «источников информации» в рамках интегрированной системы увеличивается вероятность систематических неудач или возрастает сложность организованной системы (Джонсон 1983: 38). Примером может служить возникновение земледелия, а вернее, первые шаги в одомашнивании некоторых видов растений. На начальном этапе земледелие

(впервые появившееся в зоне Плодородного полумесяца¹) не могло сразу же стать основным видом деятельности (Kislev 1997: 227), так как вероятность неурожая, то есть системной неудачи, была высока. Подобная система представляет собой комплексное сообщество (а именно в таких сообществах с большей долей вероятности реализуются инновации), выработавшее механизм поддержания существования, способный реагировать на возникающие неудачи в одной сфере при помощи многообразия видов деятельности (в данном случае высоко эффективного для данного региона собирательства).

Увеличение размера группы (достижение необходимой *критической массы*) является оптимальным выходом не только для обработки полей или сбора орехов, но и для формирования более эффективных механизмов обработки информации. В подобной группе возникают более серьезные проблемы, но появляются и более эффективные результаты вследствие вариативности «решений» (Van der Leeuw 1987: 229, 231). Поиск ресурсов для снижения степени риска приводит к созданию условий для хранения (первоначально запасов и имущества). Социальное хранение в данном случае будет представлять собой хранение информации, а именно трансформацию идей и их выражение при помощи абстрактных символов, со временем приобретающих новое, в том числе и ритуальное значение. Поэтому тип социальной организации сообщества следует рассматривать, в том числе учитывая существовавшие там традиции или средства фиксации и распространения информации.

Поскольку однозначного определения понятия «информация» не существует, можно представить это явление или процесс как определенный вид энергии, циркулирующий наряду с другими видами энергии, материальными объектами и сформулированными идеями. То, что не является сформулированным, определенным, что не выражено различными средствами (словами, символами), способными передать смысл и значение, может называться просто информацией. Вследствие своей «нев्यраженности» информация

¹ Область, включавшая в себя Восточное Средиземноморье, а также предгорья Тавра и Загроса (современная северная Сирия, северный Ирак и практически вся территория современного Ирана).

может принимать различные формы, проявляясь, в первую очередь, в ощущениях и эмоциях. В таком состоянии информация может беспрепятственно распространяться на значительные расстояния. Способность улавливать информационные потоки и транслировать полученную информацию, преобразуя некий вид энергии во вполне осязаемые символы, в частности вербальные (словесное выражение абстрактных идей), является одной из наиболее ценных способностей человеческого сознания, как индивидуального, так и коллективного. Способность индивидуума к восприятию универсальных идей, законов природы зависит не столько от его наблюдательности, сколько от степени открытости его сознания, способного усваивать не только очевидные факты, но и скрытые, «системные», параметры, проявляющиеся обычно в виде связей и закономерностей, а не в виде материальных объектов и процессов.

Коллективное сознание представляет собой гораздо более мощный вид энергии, поскольку помимо простой суммы всех слагаемых здесь возникает уже упомянутый выше системный или надсистемный компонент (когда сумма всех частей равна целому плюс что-то еще), заставляющий данную систему функционировать на новом уровне сложности. Термин «коллективное сознание»² перекликается с понятием «коллективное бессознательное». Здесь следует отметить, что глубинные психические процессы, которые не могут быть однозначно описаны при помощи языка, созданного и используемого для выражения проявлений лишь видимой реальности, участвуют в процессе циркуляции «сиюминутной» информации гораздо меньше, поскольку связаны с универсальными процессами, восприятие которых доступно лишь в виде символов или формул. В этой связи термин «коллективное сознание» представляется нам более точным для выражения процессов, результативность которых проявляется на уровне всего сообщества.

Можно ли считать достижение сообществом вполне определенных результатов вследствие усвоения неких неявных информационных импульсов проявлением коллективного сознания, выбравшего (хотя совсем не обязательно осознанно) то или иное направление развития? Невосприимчивость сознания отдельных ин

² Термин «коллективное сознание» применим в социальной антропологии [Лич 2001: 12]

дивидов к системным процессам, происходящим на более высоком уровне, необязательно должна сложиться в невосприимчивость суммы сознаний всех членов сообщества. Однако так же, как можно увидеть электрон только по следствиям его активности, уровень коллективного сознания можно проследить лишь по следствиям активности того или иного сообщества.

Для того чтобы нагляднее представлять себе процессы, происходящие во всех сферах общества, следует воспользоваться идеей Ханса Й. Ниссена о восприимчивых (*sensitive*) и невосприимчивых (*insensitive*) обществах (Nissen 1993: 177), предложенной германским исследователем именно для неолитических общин Ближнего Востока. С большой долей вероятности подобная модель может быть применима и при исследовании процессов циркуляции информации в современном мире. Возникает вопрос: как возможные события, имевшие место в глубокой древности, способны отразить современное состояние вещей? Здесь необходимо напомнить о том времени, когда существовало рассматриваемое нами единое информационное пространство.

Неолит – этап, пройденный всеми без исключения народами, когда-либо населявшими и продолжающими населять Землю. В различных областях земного шара начало и конец неолита могут сильно варьировать, а у некоторых сообществ этот период не закончился до настоящего времени (так называемые архаические общества Южной Америки, Океании или тропической Африки). Последних остается все меньше. К счастью, социальные антропологи все же успели собрать сведения об образе жизни людей, живущих в каменном веке, до того как наряду с техническим прогрессом там появились новые болезни и алкоголизм, ведущие к вырождению, в том числе и вследствие неспособности людей, существующих в определенной информационно-культурной среде, адаптироваться к резким системным изменениям.

Данные о современных «дикарях» отчасти помогают реконструировать процессы, происходившие в обществах, находившихся на том же уровне развития, только несколько тысяч лет назад. Однако, поскольку последние все же не остановились на достигнутом, невозможно полностью отождествлять две модели общественного развития. Заполнить пробелы помогает археология, в которой на

чая с 1960-х годов основное внимание уделяется не столько непосредственно объекту (артефакту), сколько контексту, в котором он был обнаружен. Этот контекст и есть рассматриваемая нами культурно-информационная среда, или информационное поле, ощущение которого (в современном мире) не способно передать ни одно из средств визуальных коммуникаций. Подобное состояние человек способен пережить лишь непосредственно через опыт, осознавая, а вернее, чувствуя происходящее внутри среды-поля. Приобщиться к информационному полю, например, древних обществ Ближнего Востока, как ни странно, можно, посетив этот регион в наши дни. По-видимому, информация, циркулировавшая там тысячелетия назад, сохранилась, зафиксировавшись в каком-то, не вполне понятном, но все же уловимом виде. Безусловно, «застывшая информация», например архитектура, несет на себе огромный объем знаний, расшифровать которые стараются современные историки и археологи. Однако подобные расшифровки всегда остаются субъективными, поскольку содержат в себе представления, характерные для современной культурно-информационной среды исследователя. С другой стороны, некие психические ощущения и эмоции, возникающие у человека в первые минуты соприкосновения с новой для него культурно-информационной средой, позволяют сформировать невыразимое состояние сознания, способное к эмоциональному переживанию и, по-видимому, к некоему символическому выражению этого переживания, но, к сожалению, не к вербальному описанию и анализу. Несмотря на то что подобные психические процессы не позволяют представить реальные картины из прошлой жизни, они помогают исследователю глубже вникать в те знания, которыми располагает современная наука, и видеть скрытые связи явлений, которые, в свою очередь, уже довольно легко выразить словами.

В реконструкции древней информационно-культурной среды может помочь современная психология, поскольку древние ритуалы, бывшие одним из механизмов распространения информации, являются также средствами психотренинга. Глубинные процессы, затрагиваемые в ходе подобных мероприятий, довольно хорошо изучены. В связи с тем что на протяжении достаточно долгого вре

мени своего существования вид *Homo sapiens sapiens* практически не меняется, логично предположить, что процессы, происходящие в его сознании на протяжении тысячелетий, сохраняют некие базовые установки (известные всем *архетипы*).

Главным направлением исследования, позволившим сформулировать саму идею информационного поля, является целый комплекс естественнонаучных теорий: в первую очередь, теория систем и теория информации, а также новое направление в исторической науке, получившее название социоестественной истории. Большинство историков не приемлют использования законов природы при исследовании законов общественного развития. Считается, что общество представляет собой гораздо более сложный организм, чем любая, самая сложная система, существующая в живой или неживой природе. Однако подобные утверждения относятся к системам, известным в классической механике или математике. В свою очередь, современные естественные науки достигли такого уровня знаний, на котором полученная информация может быть выражена только при помощи формул, поскольку сознание современного человека еще не способно понять всей сложности систем и процессов субатомного или вселенского масштаба.

По сравнению с такими глобальными проблемами исследование неолитических общин Ближнего Востока представляется несущественным, однако стоит напомнить, что именно в то время начинают закладываться основы современной цивилизации, достигшей столь высокого уровня развития всего за несколько тысяч лет. Знание основ, а также выявление универсальных законов позволяет лучше понять суть процессов и явлений вне зависимости от той эпохи, которой они принадлежат.

Проблема существования единого информационного пространства на огромной территории от Центральной Турции до Синайского полуострова в неолитический период все больше интересует современных исследователей. Одним не вполне понятно, почему следует рассматривать столь разнообразные неолитические культуры Леванта и Анатолии как единое «культурное пространство» (Rollefson 1989: 172), другие же считают, что, если собрать все факты воедино, существование единого информационного про

странства – «ближневосточной зоны культурного взаимодействия» (Özdoğan 1997: 37) – представляется очевидным.

Использование исключительно археологических данных не может привести к однозначным выводам. На первый взгляд многообразие форм не подтверждает, а, скорее, опровергает предположение о некоем единстве, информационном или каком-то ином. Безусловно, можно проследить некоторые направления обмена информацией при помощи символов и распространение идей в материальной культуре, которые фиксируются в орудийных комплексах, архитектуре, одомашненной флоре и фауне. Такие информационные потоки проходили через «Левантский коридор» (долина реки Иордан) и в какой-то степени способствовали формированию единого информационного пространства в пределах всего рассматриваемого региона. Несмотря на автономность и обособленность неолитических общин, внутренняя структура таких сообществ не препятствовала проникновению внешних влияний, а расположение поселений и их взаимосвязь на уровне региона позволяла этой информации свободно распространяться на значительные расстояния.

Помимо выработки социальных и экономических стратегий для поддержания оптимального уровня существования, каждое сообщество стремится и к созданию оптимального механизма восприятия информации. Известно, что отсутствие сдерживающих факторов приводит к стрессу и потенциальному конфликту, поскольку необходимое равновесие не может быть достигнуто, и информация оказывается избыточной. В результате оказывается, что самым важным для отдельного сообщества, существующего в информационном поле, является не открытость и восприимчивость, а контроль и регулирование информационных потоков. Общины долины Иордана и оазиса Дамаск оказались не только восприимчивыми к новым идеям, но и способными усвоить эти идеи, не производя серьезных структурных изменений. В свою очередь, общины восточного побережья Средиземного моря не восприняли многие новые технологии, но им это и не было нужно. Их структура, в отличие от оседлых комплексных сообществ, была мобильной и гибкой, они приспосабливались к изменявшимся условиям, а не приспосабливали условия под себя, как это делали оседлые общины, будучи

уже не в состоянии кардинально изменять свою внутреннюю структуру.

Помимо идей, находивших материальное воплощение, существовали и другие типы знаний и способы их передачи. Так, информация, распространявшаяся с юга, скорее всего, и обладала этой иной структурой. От кочевников передавались не идеи и технологии, а знания об их существовании и о существовании их мира. Такого рода информация могла фиксироваться на любых материальных носителях, доставлявшихся извне, но расшифровать ее в настоящее время не представляется возможным.

Идея единого информационного поля неолитического Ближнего Востока является всего лишь моделью процессов на начальной стадии исследования. Абстрактность и нелинейность подобных процессов способствует появлению выводов, не типичных для исторического исследования. Поскольку не только выводы, но и стиль написания статьи предполагает нелинейный подход, все выводы были предложены по ходу изложения материала и, возможно, оказались не столь четко сформулированными, как это предполагает классическое научное исследование. Однако стоит напомнить, что это лишь первый шаг на пути изучения моделей информационного поля древних цивилизаций, когда однозначным и четким выводам предшествует определение направлений и проблем, над которыми еще предстоит задуматься.

Литература

Березкин, Ю. Е.

1994. Апатани и древнейший Восток. Альтернативная модель сложного общества. *Кунсткамера. Этнографические тетради* (с. 5–19). Вып. 4. СПб.

2000. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднemasштабных обществ. В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 259–264). М.

Джонсон, Г. 1983. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (в приложении к этнологии и археологии). *Археология Средней Азии и Ближнего Востока* (с. 37–40). Ташкент.

Коротаев, А. В. 2003. *Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции.* М.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.) 2000. *Альтернативные пути к цивилизации.* М.

Кульпин, Э. С. 1996. О принципе минимума диссипации энергии в жизни общества. *Человек и природа. Проблемы социоестественной истории* (с. 3–32) / Серия «Социоестественная история» / под ред. Э. С. Кульпина. Вып. 8. М.: ИВ РАН.

Лич, Э. 2001. *Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов.* М.

Монсеев, Н. Н. 1990. *Человек и ноосфера.* М.

Arensburg, B., Hershkovitz, I. 1989. Artificial Skull «Treatment» in the PPNB Period: Nahal Hemar. In Hershkovitz, I. (ed.), *People and Culture in Change* (p. 115–132). Oxford.

Bar-Yosef, O. 1989. The PPNA in the Levant: An Overview. *Paléorient*. 15/1: 57–63.

Bar-Yosef, O., Belfer-Cohen, A. 1989. The Levantine “PPNB” Interaction Sphere. In Hershkovitz, I. (ed.), *People and Culture in Change* (p. 59–72). Oxford.

Bar-Yosef, O., Gopher, A. (eds.) 1997. *An Early Neolithic Village in Jordan Valley: The Archaeology of Netiv Hagdud.* Harvard.

Cauvin, J. 1989a. La néolithisation au Levant et sa première diffusion. In Aurenche, O., Cauvin, J. (eds.), *Neolithisations* (p. 3–36). BAR Int. Series. 516. Oxford.

Cauvin, J, Aurenche, O. Cafer Höyük, 1980 // *Anatolian Studies*, 1981, XXXI, p. 183–184.

Kislev, M. E. 1997. Early Agriculture and Paleocology of Netiv Hagdud. In Bar-Yosef, O., Gopher, A. (eds.), *An Early Neolithic Village in Jordan Valley: The Archaeology of Netiv Hagdud* (p. 209–236). Harvard.

Kenyon, K. M. 1960. *Archaeology in the Holy Land.* L.

Nadel, D. 1997. The Chipped Stone Industry of Netiv Hagdud. In Bar-Yosef, O., Gopher, A. (eds.), *An Early Neolithic Village in Jordan Valley: The Archaeology of Netiv Hagdud* (p. 71–150). Harvard.

Nissen, H. J.

1988. *The Early History of the Ancient Near East.* Chicago – L.

1993. The PPNC, the Sheep and the “Hiatus Palestinien”. *Paléorient* 19/1: 175–177.

Özdoğan, M. 1997. Anatolia from the Last Glacial Maximum to the Holocene Climatic Optimum: Cultural Formations and the Impact of the Environmental Setting. *Paléorient* 23/2: 25–38.

Perrot, J. 1993. Commentaires // Le Levant Sud au VIII^e mil.B.P. *Paléorient*. 19/1: 175–177.

Rollefson, G. O. 1989. The Aceramic Neolithic of the Southern Levant: The View from 'Ain Ghazal. *Paléorient* 15/1: 135–140.

Rollefson, G. O. 1993. The Origins of the Yarmoukian at 'Ain Gazal. *Paléorient* 19/1: 91–100.

Usi, A. 1991. Eilat. *American Journal of Archaeology* 95/3: 496.

Van der Leeuw, S. E. 1987. Revolutions Revisited. *Studies in the Neolithic and Urban Revolutions* (p. 217–244). Oxford.